
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.51> EDN: USRODC**АНТОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ**

Научная статья

Шакирьянов Л.М.^{1,*}¹ Башкирский государственный университет, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (levshakiryarov[at]gmail.com)

Предложена: 26.04.2026; Принята: 24.07.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

В статье проводится комплексное исследование антонимии в современной лингвистике. Здесь обобщены теоретические принципы, лежащие в основе уровней антонимии, а также наглядно продемонстрировано, каким образом антонимия разворачивается в системе языка. Актуальность исследования видится в том, что оно выполнено на специфическом языковом материале, который характеризуется сменой контрастирующих состояний, способных доказать значимость антонимии в современных условиях её реализации. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории лексической системной и речевой антонимии, оформившейся как комплексная структура, элементы которой находятся в непрерывном взаимодействии, в результате которого противопоставление задействует многоплановые способы своей реализации. Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных в работе результатов в практике преподавания германских языков в высшей школе (на лекциях по лексикологии и стилистике английского языка, спецкурсах по теории текста и дискурса и типам семантических связей единиц).

Выводы, полученные в проведенном исследовании, могут быть использованы также в дидактических целях. Противоположность относится к фундаментальнейшим категориям, которые постоянно используются человеком в широких когнитивных процессах при физическом и ментальном восприятии окружающего его мира. Возникновение синонимов и антонимов связано с появлением со-слов, которые еще раньше появляются как глоссы. Здесь подтверждено, что само явление антонимии следует рассматривать с Хроники Георгия Амартола, которая была переведена в XI веке. Глоссы также встречаются в эпоху Петра I, а со-слова, синонимы и антонимы берут начало с эпохи Екатерины II. В практической части работы подтверждается статус антонимии как особой системы в структуре языка. За основу берутся фундаментальные концепции словообразования и словоизменения (формообразования), целостности языка, участия языковых единиц как составных частей высших единиц и как совокупностей низших. Представленный языковой материал позволяет по-новому рассматривать антонимию в рамках теории языка.

Ключевые слова: глоссы, со-слова, синонимы, антонимы, уровни языка, словообразование, словоизменение (формообразование), префикс, суффикс.

ANTONYMY IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC CONCEPTS

Research article

Shakiryarov L.M.^{1,*}¹ Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (levshakiryarov[at]gmail.com)

Suggested: 26.04.2026; Accepted: 24.07.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

The article provides a comprehensive study of antonymy in modern linguistics. It summarizes the theoretical principles underlying the levels of antonymy and demonstrates how antonymy unfolds in the language system. The relevance of the study lies in the fact that it is based on a specific linguistic material that is characterized by a change of contrasting states that can prove the significance of antonymy in modern conditions of its implementation. The theoretical significance of the study lies in the development of the theory of lexical systemic and speech antonymy, which has taken shape as a complex structure whose elements are in continuous interaction, resulting in the use of multifaceted methods of its implementation. The practical value of the study lies in the possibility of using the results obtained in the work in the practice of teaching Germanic languages at higher education institutions (in lectures on the lexicology and stylistics of the English language, special courses on the theory of text and discourse, and types of semantic connections of units). The conclusions obtained in the conducted research can also be used for didactic purposes. Opposition is a fundamental category that is constantly used by humans in their broad cognitive processes during physical and mental perception of the world around them. The emergence of synonyms and antonyms is associated with the appearance of co-words, which were previously known as glosses.

It is confirmed here that the phenomenon of antonymy itself should be considered from the Chronicle of George Amartolos, which was translated in the 11th century. Glosses are also found in the era of Peter the Great, and co-words, synonyms, and antonyms originate from the era of Catherine II. In the practical part of the work, the status of antonymy as a special system in the structure of the language is confirmed. The fundamental concepts of word formation and inflection (form

formation), the integrity of the language, and the participation of linguistic units as components of higher units and as collections of lower units are taken as the basis. The presented linguistic material allows for a new perspective on antonymy within the framework of language theory.

Keywords: glossing, co-words, synonyms, antonyms, language levels, word formation, word change (inflection), prefix, suffix.

Введение

Научная новизна исследования заключается в подходе к исследованию экономических терминов как особой базе реализации явления противопоставления, которая в значительной степени определяет специфику формирования анализируемых языковых единиц.

Дело в том, что уже давно особый интерес представляет проблема классифицирования антонимов, а основными критериями признаются парадигматический и синтагматический. По мнению лингвистов, главным парадигматическим критерием антонимичности, является противоположность семантики, которая предполагает наличие интегральных и антонимичных дифференциальных сем в структурах значений слов, составляющих антонимические оппозиции; синтагматическим критерием антонимичности принято считать регулярное совместное употребление антонимов в речи; при этом, под речевыми антонимами понимаются пары слов, не противопоставляющиеся вне данного контекста и являющиеся поэтому принадлежностью уровня речи. Мы же предлагаем рассмотреть ее с точки зрения уровня устройства языка. Данные тезисы высказывали и И.А. Бодуэн де Куртенэ (общее иерархическое устройство языка, вследствие чего, единицы языка, помимо того, что ассоциируются с себе подобными (т.е. помимо парадигматических и синтагматических отношений), вступают также в отношения с вышестоящими единицами (как их составные части) и с нижестоящими единицами (как их совокупности)) и Н.В. Крушевский (стройное целое языка), но они не были в полной мере учтены исследователями антонимии.

Как отмечают ученые, антонимия довольно подробно освещается в классических учебниках по языкознанию, лексикологии и семантике, авторами которых являются многие известные лингвисты, среди них Н.Ф. Алефиренко, Г.Б. Антрушина, И.В. Арнольд, Ш. Балли, Л.А. Булаховский, Л.М. Васильев, И.Р. Гальперин, Р.З. Гинзбург, М.В. Никитин, И.М. Кобозева, В.И. Кодухов, М.А. Кронгауз, А.А. Реформатский, Ю.П. Солодуб, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев, Н. Jackson, G. Jule, G. Leech, F. Palmer и др.

На современном этапе намечается тенденция изучения антонимов в конкретных языках (в том числе, диалектах и говорах), а также языках народов Российской Федерации и ближнего зарубежья: азербайджанский (М.А. Баширова, А.Н. Шилханова, М.К. Ибрагимов), бакинский диалект, дербенский диалект, хачмазский говор, гадабекский диалект, гейндальский диалект, газарский диалект, товусский диалект, евлахский диалект, шекинский диалект азербайджанского языка (Ф.Э. гызы Юсифова), греческий (Е.С. Онуфриева), грузинский и осетинский (Р.И. Таучелова М.А. Цаликова, Н.Л. Кобесашвили, М.Т. Бекоева), даргинский (З.И. Шахбанова, С.М. Рабаданова, С.И. Мутаева, Д.М. Алибекова), жестовый (Н.Б. Цибуля, М.Р. Алиева), ингушский (Р.М. Галаева, Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева), кабардино-черкесский (Р.Х. Дзуганова), казахский (Н.М. Тукешова), каракалпакский (Ф.И. Жуманиязова), карачаево-балкарский (Б.А. Берберов), кыргызский (Н.А. Кайбылдаева, М.М. Джумаева), марийский (Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова, А.В. Чемышев), русские народные говоры (Т.В. Лысенкова), таджикский (Ш.Б. Каримов), татарский (М.З. Валиева), тувинский (Т.Г. Бочина), хакасский (К.А. Покоякова), церковнославянский (О.В. Непраш), чеченский (Р.С. Ильясова), эвенский (С.Н. Саввинова, И.И. Садовникова).

Противоположность относится к фундаментальнейшим категориям, которые постоянно используются человеком в широких когнитивных процессах при физическом и ментальном восприятии окружающего его мира.

Приведем характеристику противоположности, которая была выявлена еще Аристотелем: «противоположностью надо признавать только отличие вещи от того, от чего она отличается по виду; а такое различие бывает только между тем, что принадлежит к одному и тому же роду»: ἐναντίωσιν γὰρ ἀνάγκη εἶναι τὴν διαφορὰν οὗ διαφέρει εἶδει: αὕτη δὲ ὑπάρχει τοῖς ἐν ταῦτ' ὅτι γένει οὐκ ἰσὺς μόνοις [2, С. 329–330], [32, С. 216].

Таким образом, противоположность исследуется еще в античную эпоху. В настоящем исследовании установим связь антонимов с синонимами, которые, в свою очередь, как понятие возникают на основе сослов, а, если исследовать еще раньше, то с глосс. Глоссы имеют вековую историю: они берут начало с Хроники Георгия Амартола, также встречаясь в эпоху Петра I.

Исследование проведено на материале экономических терминов из «Англо-русского экономического словаря» А.В. Аникина, «Большого англо-русского экономического словаря» С.С. Иванова и Д.Ю. Кочеткова и «Нового англо-русского банковского и экономического словаря» Б.Г. Федорова.

В данной работе применяется уровневый анализ, при котором языковая система рассматривается как совокупность уровней; исследование, таким образом, можно разбить на несколько задач:

- разграничить словообразование и словоизменение, показав антонимиию морфем и антонимиию частей речи;
- наглядно продемонстрировать, каким образом языковые единицы функционируют как составные части высших единиц и как совокупности низших; тем самым выявить более сложные уровни;
- рассмотреть общую целостность языка, при которой слова функционируют не только как части предложения, но и совершенно независимо от него.

Основные результаты

Результаты исследования предлагается разбить на исторические, теоретические и практические выводы.

1. Исторические выводы (история синонимии от глосс до сослов);

2. Теоретические выводы (появление антонимии, а также системные концепции, которые лежат в основе уровней языка);

3. Практические выводы (способы реализации антонимии между экономическими терминами).

Теория безусловно должна включать исторический экскурс, т.к. в нем вводится понятие глосс. Глоссы ограничены лишь определенной эпохой, а им на смену приходят сослова (и сословники). Дело в том, что глоссы часто исследуются как синонимы (Ю.С. Сорокин, В.В. Веселитский). Однако, сами синонимы, как известно, впервые появляются лишь в зарубежной лингвистике в 1718 (аббат Габриэль Жерар). В отечественной лингвистике, наиболее общепризнанным термином на тот момент был термин сословие (Д.И. Фонвизин) (термин сословие вводится как перевод термина *sinonime*, поэтому, на наш взгляд, не требует дополнительного пояснения). Это определение сослова является наиболее полным и исчерпывающим, а общие черты между синонимами (ранее сословами) и глоссами были найдены в трудах отечественных лингвистов. По семантическому наполнению глоссы схожи с сословами, их отличия довольно очевидны (графически глосса, представляет, скорее, вкрапление в текст, нежели сословие), но по сути — речь идет об одном и том же.

2.1. История: Древняя Русь, Петровская эпоха, Екатерининская эпоха, глоссы, сослова, сословники

2.1.1. Глоссы в древнем славянском переводе Г. Амартола (В.М. Истрин)

Еще в труде известного русского литературоведа, специалиста по древнеславянским памятникам В.М. Истрина отмечается наличие глосс в древнем славянорусском переводе Хроник Георгия Амартола (XI век). Как отмечает ученый: «особенностью перевода хроники являются глоссы. Этимъ именем я называю добавленія, сделанныя имъ в объясненіе отдѣльныхъ словъ. Частію эти добавленія стоятъ въ связи съ оставленіемъ многихъ греческихъ словъ безъ перевода, въ ихъ греческой формѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ, переводчикъ, оставляя греческое слово безъ перевода, считалъ нужнымъ присоединить объясненіе, которое въ большинствѣ случаевъ оказывалось, однако, простымъ переводомъ (ἐβδομάδες: «седмици — недѣли»; φιλόλογοι «любогослови — препоудрии»)» [14, С. 204].

Временник Георгия Монаха (или «Хроника Георгия Амартола») — памятник древнерусской письменности XI века, который признается более древним, чем «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». По сути, это — переводная византийская «всемирная история», которая начинает счет от «первого человека» Адама и смыкается с зарей русской истории.

Церковно-славянский перевод «Хроники Георгия Амартола» был достаточно популярным на Руси; несмотря на огромный объем он был распространен в многочисленных списках, использовался в чисто русских исторических компиляциях, начиная с «Повести временных лет».

Традиционно под глоссой понимается «перевод или толкование непонятного, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанного над или под ним ... или на полях рукописи или книги» [31, С. 107].

Позднее глоссы будут рассматриваться наряду с такими понятиями, как синонимы, пояснения, эквиваленты, лексические и смысловые соответствия, примечания, толкования, тождества, дубликаты [20, С. 75], [26, С. 543].

2.1.2. Глоссы в Петровскую эпоху

В глоссах Петровского времени в текстах различного типа, в том числе в деловых, можно наблюдать конструкции, благодаря которым вводится метаязыковая информация: «какъ о томъ вскорѣ **регламенты** [или **уставы**] будутъ публикованы и всѣхъ Коллегии должности»*; «всякаго чина людѣмъ, бѣгчеломъ вновь въ тѣхъ предъставленныхъ отъ Юстиціи Коллегии, въ нижнихъ городовыхъ, и въ провинціальныхъ [то есть въ уѣздныхъ] и надворныхъ судахъ»**.

* — копии его царского величества указов. Опубликованных от 1714 года, с марта 17 дня. По нынешней 1719 год. [Санктпетербург]: Напечатаны в Санктпетербургской типографии, 28 марта 1719. 221 с.

** — копии его царского величества указов состоявшихся. В 1719, и в 1720 годах. В Санктпетербурхе, в Правительствующем Сенате, собраны, и напечатаны. [Санктпетербург], 28 июня 1721. 451, 40 с.

По мнению Д.В. Руднева, примечательной чертой языка Петровского времени является введение глосс в тексты различного типа, в том числе в деловые [23, С. 28]. Как отмечает В.М. Живов, в переводных и оригинальных сочинениях Петровского времени заимствования «выступали прежде всего как показатель новой культурной ориентации <...>. Их употребление свидетельствовало о причастности к новой Петровской культуре, об усвоении новой системы ценностей и вместе с тем об отказе от традиционных представлений [12, С. 146].

Как отмечается исследователями, эпоха Петра I — время многочисленных преобразований и реформ, в значительной степени спровоцированных главным событием царствования — Северной войной, завершившейся заключением Ништадтского мирного договора. Он был заключен на немецком и позже переведен на русский [24, С. 72].

Особенностью перевода данного договора на русский язык заключается в том, что переводчики в одних случаях переводчики договора переводили термины на русский язык, в других случаях их транслитерировали, часто сопровождая глоссами. Таким образом, в тексте договора (включая текст преамбулы и ратификации) использовано 70 маргинальных глосс [24, С. 80].

2.1.3. Екатерининская эпоха (сослова, сословники)

Как известно, в период XVII — нач. XVIII в. начинает складываться литературный язык русской нации; однако, он отличается состоянием лексического хаоса. Как отмечает В.В. Виноградов, «в области лексики в эту переходную эпоху обнаруживается брожение и смешение разноречивых и разнотильных элементов, сказывающееся в обилии недифференцированных синонимов [10, С. 82].

Еще в Петровскую эпоху в отношениях свободного варьирования находились такие, совершенно разные в современном языке слова, как *местность* — *ситуация*. В походных журналах Петра I можно обнаружить достаточно любопытный пример: «И потом как к оной крепости приближалась апрошами <...> в то время там были великие

морозы, к тому же и ситуация кругом той крепости каменистая»: «и потомъ какъ къ оно крѣпости приближались апрошами (которыя съ великимъ трудомъ привели, ибо въ то время тамъ были великіе морозы, къ тому же и ситуація кругомъ той крѣпости каменистая, где зѣло много есть каменя, отъ чего немалое было помѣшаніе)» [21, С. 1–2].

Уже в Екатерининскую эпоху появляется термин «сослово» (по-другому — синоним), составляются первые сословники (по-другому — словари синонимов). Наиболее значимыми публикациями того времени являются «Опыт российского сословника» Д.И. Фонвизина (1783), публикация Н.М. Карамзина в газете «Московские ведомости» (1795), «Опыт словаря русских синонимов» П.Ф. Калайдовича (1818), «Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского, с приложением пробных листов словаря (1826); «Словарь русских синонимов, или сословов, составленный А. Галичем» (1840); «Лексикон философских предметов, составленный А. Галичем» (1845).

Известно, что именно Д.И. Фонвизин отстаивал им вновь придуманный термин «сослово» (как перевод термина «синоним» (sinonime)): «В примечаниях раскритикован употребленный мною термин *сослово*... Но мне кажется, буде наш язык терпит такие составные слова, как *сотоварищ*, *соучастник*, *соправитель*, для чего же бы не сказать и *сослово*? [19, С. 315–316]. Отметим, что Д.И. Фонвизин отлично чувствовал живую жизнь языка. Особо важным он считал вводить новые слова, когда решался вопрос о внесении в язык какого-либо иностранного слова.

2.2. Антонимы

2.2.1. Семья Калайдовичей

В связи с возникновением понятия «антоним» следует особенно отметить семью Калайдовичей. Не менее важным является тот факт, что среди членов этой семьи были люди, которые активно используют в своих трудах термин «сослово», а также являются авторами первых сословников. Известно, что в тот момент многие понятия требовали разграничения, и даже выдающиеся поэты могли употреблять те или иные синонимы, которые потом находили отражение в сословниках.

Важным является то обстоятельство, что один из братьев, П.Ф. Калайдович, в своей работе «Опыт словаря русских синонимов» (1818) приводит определение синонима (уже не сослово как у Д.И. Фонвизина), а И.Ф. Калайдович в своей работе «Краткое изложение правил для составления ручного словаря (1826) — определение антонима. У П.Ф. Калайдовича можно встретить определение синонима — «синоним слово Греческое и сложно из предлога *συν* (съ) и *ὄνομα* (имя), значит соименное слово: «Синонимъ слово Греческое и сложно изъ предлога *συν* (съ) и *ὄνομα* (имя), значить соименное слово. Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова переводить его сословомъ; но, кажется, лучше и намъ удержать Греческое названіе, какъ принадлежащее словамъ соименнымъ во всѣхъ вообще языкахъ Европейскихъ» [16, С. 7]. В работе И.Ф. Калайдовича есть определение антонима: *ἀντι* противъ, *ὄνομα* слово — антонимъ; буквы *ι* выпущена подобно какъ въ словѣ антарктическій — *ἀντι* ἀρκτικός; приложить синонимы, антонимы (противозначащіе слова) и примѣры для поясненія значенія и употребленія словъ [15, С. 9].

В ходе исследования нами был установлен состав этой семьи, в которой, как оказалось, было шесть братьев: «изъ братьевъ его извѣстны или же видны по письмамъ: самый старшій, Ѳедоръ; Петръ, не много старше Константина, но уже сотоварищъ его по воспитанію; моложе — Дмитрій, Иванъ, Александръ» [3, С. 6].

Как известно, Ф.Ф. Калайдович и К.Ф. Калайдович проявляли интерес к археологии, а два других брата — П.Ф. Калайдович и И.Ф. Калайдович — к проблемам грамматики и лексикологии. О двух других братьях имеется не так много сведений.

2.2.2. Определения антонимов

Среди наиболее значимых определений антонимов можно привести следующие: антонимы как «слова противоположного значения» В.Н. Комиссарова (1957) и В.Н. Прохоровой (1961) [17, С. 49], [22, С. 122]; антонимы как «слова с противоположным значением, употребляющиеся для обозначения контрастных явлений» в Учебнике «Современный русский язык: Лексикология. Фонетика. Морфология» Е.М. Галкиной-Федорук, К.В. Горшковой, Н.М. Шанского (1958) [11, С. 24]; антонимы как «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» Н.М. Шанского (1964) [29, С. 63]; антонимы как «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» Д.Н. Шмелева (1964) [30, С. 145]; антонимы как «слова, противоположные по сигнификативному значению» Ю.С. Степанова (1975) [27, С. 28–29]; антонимы как «лингвистически сопряжённые пары слов» Н.Л. Соколовой (1977) [25, С. 62].

2.3. Словообразование и словоизменение (формообразование) в системе языка

С учетом вышеизложенного сложно выявить уровневый характер явления антонимии. Однако, как известно, вследствие иерархичности единицы языка, помимо того, что ассоциируются с себе подобными (т.е. помимо парадигматических и синтагматических отношений), вступают также в отношения с вышестоящими единицами (как их составные части) и с нижестоящими единицами (как их совокупности) [9, С. 198–199]. Эта мысль была высказана И.А. Бодуэном де Куртенэ в труде «Фонетические законы» (на французском) в 1910 г. Считаем необходимым привести все произведения Казанской лингвистической школы, которые заслуживают нашего внимания:

1) 1878 — разграничение терминов «словообразование» (словообразованіе) и «словоизменение» (словоизмѣненіе, флексія) [5, С. 16, 18, 19, 20, 23];

2) 1881 — известное определение фонемы и морфемы: «Фонема есть фонетическое недѣлимое с точки зрѣнія сравнимости фонетических частей слова. Недѣлимое с антропофонической точки зрѣнія есть звук, недѣлимое с фонетической точки зрѣнія есть фонема, недѣлимое с морфологической точки зрѣнія есть морфема» [6, С. 69];

3) 1909 — характеристика неделимости элементов: <...> слова сосуществуют <...> как неделимые целые и как целые, состоящие из частей»: элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц: ... слова сосуществуют тамъ какъ недѣлимья цѣлыя и какъ цѣлыя, состоящія изъ частей» [7, С. 130]; характеристика слова как частей предложения и как независимых элементов: «понимаемая слова, все равно, какъ части ли предложенія, или же совершенно независимо отъ предложенія, съ одной стороны являются тоже непрерывнымъ рядомъ представляемаго произносимымъ и слышимымъ, съ другой же стороны они состоятъ изъ морфологически и семасиологически недѣлимыхъ единицъ, которые мы называемъ морфемами» [7, С. 12];

4) 1910 — выдвижение идеи об общем иерархическом устройстве языка, вследствие чего, единицы языка, помимо того, что ассоциируются с себе подобными (т.е. помимо парадигматических и синтагматических отношений), вступают также в отношения с вышестоящими единицами (как их составные части) и с нижестоящими единицами (как их совокупности) [9, С. 198–199];

5) 1917 — те же характеристики, а также известная фраза о том, что в процессе речевого обмена мыслями происходит творчество не только в области синтаксиса т.е. при сочетании готовых слов во фразы и предложения, но тоже при сочетании морфем в слова: «происходит <...> творчество не только въ области синтаксиса, т.е. при сочетаніи готовыхъ словъ во фразы и предложенія, но тоже при сочетаніи морфемъ въ слова [8, С. 12, 135, 177].

Приведем наиболее значимые идеи, высказанные Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким:

1) 1883 — противопоставление между суффиксом и префиксом: «въ противоположность суффиксу, префиксъ имѣетъ почти всегда опредѣленное значеніе, т.е. онъ сообщаетъ слову главнымъ образомъ одинъ какой нибудь оттѣнокъ нпр. — *под-*) и кромѣ него никакой другой префиксъ не можетъ сообщать того же оттѣнка. Въ противоположность суффиксу, употребленіе его не ограничивается одной какой нибудь категоріей словъ — оно повсемѣстно» [Крушевский 1883: 83]; уже тогда Н.В. Крушевский отмечает, что «благодаря <...> повсемѣстному употребленію самое число префиксовъ будетъ несравненно меньше числа суффиксовъ. Посредствомъ суф. *-ецъ* можно образовать только имена существительныя мужескаго рода, тогда какъ префиксъ *под* присоединяется съ одинаковымъ значеніемъ къ словамъ разныхъ категорій [Крушевский 1883: 83]; «суффиксъ присоединяется только къ словамъ извѣстной категоріи, тогда какъ грамадное большинство префиксовъ агглютинируется къ словамъ разныхъ категорій [18, С. 85].

2) 1909 — различие между окончаниями, с одной стороны, и префиксами и суффиксами, с другой: «Если окончанія мы назовемъ *формальными элементами словъ*, то суффиксы и префиксы, какъ элементы, служащіе для словопроизводства, т.е. для полученія новыхъ собственныхъ значеній, можно было бы назвать *материально-формальными* [4, С. 241].

Все это позволяет рассмотреть антонимию уровней языка в следующем виде: морфемы — части речи — лексемы — синтаксические конструкции. Дело в том, что после появления антонимии, она долгое время не рассматривается с точки зрения уровневого устройства языка.

С учетом системности, свойственной лингвистике в тот момент, появляются работы, в которых вводятся и намечаются системные понятия данной науки (фонема, морфема, значение, синтаксис). Ф. де Соссюр является первооткрывателем в этом отношении.

Как уже было замечено, Казанская лингвистическая школа также заслуживает особого внимания. Здесь не только вводятся системные понятия, но и отдельно можно найти разграничение понятий словообразование и словоизменение, решение вопроса общей целостности языка. Это позволяет не только говорить о наличии уровней языка, но также выстроить их иерархичность.

2.4. Способы реализации антонимии

Здесь также отметим, что представленный ранее исторический контекст влияет на уровневое представление антонимии. Он свидетельствует о том, что и синонимы, и антонимы, возникли как необходимость разграничить смысловые соответствия и тождества; антонимы возникли в результате усилий русских филологов закрепить не только соответствия между словами (эквиваленты), но и несоответствия. В этом видится особая значимость данного исследования как в теоретическом, так и в историческом плане.

Финансово-экономический медиа-дискурс — это разновидность медиа-дискурса, функционирующего в сфере средств массовой информации, которая является средством реализации массовой коммуникации. Этот дискурс является открытой динамической системой, т.к. в ней постоянно идет процесс обмена информацией между субъектами экономической деятельности. Как уже было сказано, этот выбранный материал характеризуется сменой контрастирующих состояний, способных доказать значимость антонимии в современных условиях её реализации. Финансово-экономическому дискурсу присуще изобилие различных видов противопоставлений, что было доказано ранее.

В рассматриваемом языковом материале антонимия встречается на всех уровнях во всех словарях.

Разберем некоторые случаи антонимии морфем (здесь антонимия представляет собой, скорее, отрицание):

- (1) *assessable vs unassessable* [13, С. 43, 585];
- liquid vs illiquid* [13, С. 274, 320];
- expensive vs inexpensive* [13, С. 230, 285];
- economy vs diseconomy* [1, С. 231, 217];
- dumping vs antidumping* [13, С. 203, 37];
- shadow price vs pseudoshadow price* [1, С. 470, 469];
- merger vs de-merger* [13, С. 343, 179];
- dutiable vs nondutiable* [13, С. 204, 362];
- unemployment vs quasi-unemployment* [1, С. 661, 495];

Разберем случаи реализации противопоставления между зависимыми морфемами (они реализуются попарно):

(2) *external audit vs internal audit* [28, С. 261, 374];
inflow vs outflow [13, С. 286, 378];
upswing vs downswing [13, С. 593, 201];
monopoly vs polypoly [13, С. 356, 407];
on-peak service vs off-peak service [1, С. 561];
overproduction vs underproduction [13, С. 586, 382];
intercompany vs intracompany [13, С. 295, 297];
endogenous vs exogenous [13, С. 214, 227];
heteroscedastic vs homoscedastic [13, С. 269, 271];
macroeconomics vs microeconomics [28, С. 425, 445];

Важным для разграничения уровней является то, что префикс присоединяется ко всему слову целиком, а по его другим частям (слова) можно выделить морфологические характеристики того или иного элемента.

Если разделить все морфемы на словообразовательные и словоизменяемые, то к словообразовательным следует отнести префиксы и суффиксы, а к словоизменяемым — окончания (флексии).

В этой связи исходим из положения о том, что суффикс обладает опознавательной функцией. Такой же функцией обладает и окончание (флексия). Таким образом, многие морфемы, помимо своих обычных морфологических значений, сигнализируют также о таких значениях, как «предметность» или «субстантивность», «процессуальность», «атрибутивность» и т.п.

Как известно, в английском языке также есть условное деление морфем на словообразовательные (лексические) и словоизменяемые (грамматические): словообразовательными являются префиксы и суффиксы, а словоизменяемыми — грамматические суффиксы (флексии).

Антонимию частей речи разберем в рамках одной и в рамках двух номинаций.

Представим случаи антонимии частей речи:

(3) субстантивы: *adjustment between demand and supply* [1, С. 23];
вербы: *lend-lease agreement* [1, С. 31];
адвербы: *jointly and severally* [1, С. 344];
адъективы: *odd and even* [1, С. 411];
местоимения: *to make a bargain all-or-nothing* [1, С. 67];
предлоги: *first-in-first-out* [1, С. 275].

В рамках двух номинаций также можно наблюдать антонимию частей речи:

(4) субстантивы: *act of sale vs act of purchase* [1, С. 19];
вербы: *right to work vs right to rest* [1, С. 538];
адвербы: *entry inwards vs entry outwards* [1, С. 243];
адъективы: *foreign enterprise vs domestic enterprise* [1, С. 242];
предлоги: *flow-in vs flow-out* [1, С. 278].

Слово от части речи отличается тем, что слово — это минимальная самостоятельная единица речи, а части речи представляют собой большие лексико-грамматические классы слов, так как слова, входящие в одну часть речи, объединяются на том основании, что они имеют один и тот же набор грамматических значений. Если разобрать в рамках одной части речи несколько слов, то можно наглядно представить, что именно имели в виду лингвисты, говоря о том, что слово может существовать не только как часть предложения, но и независимо от него, то есть как неделимое целое.

(5) контрадикторность: *assets — liabilities* [1, С. 51, 355];
градуальность: *quick assets — slow assets — illiquid assets* [28, С. 571, 665];
конверсивность: *to lend — to borrow* [13, С. 313, 76].

В рамках общей целостности языка следует остановиться на синтаксических конструкциях, т.е. более сложных структурах, чем слово. Соответственно, они состоят из слов, представляя тем самым законченное целое. В ходе анализа выявлены случаи противопоставления в одном словосочетании, в словах с дефисным написанием, а также в одном слове словосочетания:

(6) противопоставление в рамках одного словосочетания:
соединительный союз: *asked and bid* [1, С. 50];
разделительный союз: *at or better* [1, С. 56]; предлог “by”: *displacement of human labor by machinery* [1, С. 218];
предлог “for”: *to trade fixed assets for current assets* [1, С. 645];
предлог “from”: *deviation of prices from value* [1, С. 210];
предлог “into”: *to convert a firm into a limited company* [1, С. 159];
предлог “in relation to”: *depreciation of currency in relation to gold* [1, С. 207];
предлог “over”: *excess of birth over death* [1, С. 253]; предлог “per”: *number of divorces per new marriages* [1, С. 408];

предлог “with”: *to coordinate receipts with expenditures* [1, С. 513];
 частица “to”: *ratio of reserves to liabilities* [1, С. 508];
 предлог + союз: *contest between master and laborer* [1, С. 152];
 без вспомогательных средств: *bad money drives out good* [1, С. 398];

(7) противопоставление в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части:

соединительный союз: *asset-and-liability statement* [1, С. 585];
 разделительный союз: *make-or-buy decision* [1, С. 194];
 подчинительный союз: *pay-as-you-earn system* [1, С. 617];
 предлог “of”: *yield-of-nutrient curve* [1, С. 183]; частица “to”: *adaptation of supply-to-demand* [1, С. 22].

(8) противопоставление в одном слове словосочетания: *minimax system* [1, С. 616].

Заключение

В статье подтверждается статус антонимии как особой системы в языке. Имеющиеся концепции наглядно демонстрируют ее вовлеченность в иерархическое устройство языка.

Противоположность относится к фундаментальнейшим категориям, которые используются нами в широких когнитивных процессах при физическом и ментальном восприятии окружающего мира. Эта категория фиксируется еще в трудах древнегреческого философа Аристотеля.

Впервые термины «синоним» и «антоним» фиксируются в работах братьев Калайдовичей. «Синониму» предшествует термин «сослов», а словарям синонимов — «сословники». Термин «сослов» введен Д.И. Фонвизинным в Екатерининскую эпоху, им же составлены первые «сословники» (в виде статей в журнале «Собеседник любителей русского слова»). Историю «синонимов» следует рассматривать с понятия «глосс». Под «глоссой» понимается «перевод или толкование непонятного, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанного над или под ним ... или на полях рукописи или книги». «Глоссы» часто рассматриваются наряду с такими понятиями, как синонимы, пояснения, эквиваленты, лексические и смысловые соответствия, примечания, толкования, тождества, дублеты.

По сути, «глоссы» предвосхитили появление «сослов», они очень широко представлены в Петровскую эпоху в текстах различного типа, в том числе в деловых. Глоссы также можно наблюдать в Ништадтском мирном договоре. Следует особенно отметить, что само понятие «глосс» имеет вековую историю, так как встречается еще в Хрониках Георгия Амартола. Временник Георгия Монаха (или «Хроника Георгия Амартола») — памятник древнерусской письменности XI века, который признается более древним, чем «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». По сути, это — переводная византийская «всемирная история», которая начинает счет от «первого человека» Адама и смыкается с зарей русской истории.

В рамках исследования выявлена непоколебимость понятий словообразования и словоизменения (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий, Н.В. Крушевский). Представлены основные вехи исследований данных понятий. Все это позволило рассмотреть антонимию уровней языка в следующем виде: морфемы — части речи — лексемы — синтаксические конструкции. Важным для разграничения уровней является то, что префикс присоединяется ко всему слову целиком, а по его другим частям (слова) можно выделить морфологические характеристики того или иного элемента. Кроме того, в основу уровней антонимии положен принцип, согласно которому уровни как «кирпичи» позволяют складывать вышестоящие уровни, одновременно являясь составными частями нижестоящих.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аникин А.В. Англо-русский экономический словарь / А.В. Аникин. — Москва: Рус. яз., 1977. — 727 с.
2. Аристотель Ἀριστοτέλης Μεταφизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеев / Ἀριστοτέλης Аристотель. — СПб., Киев: Алетейя, Эльга, 2002. — 832 с.
3. Бессонов П.А. Константин Федорович Калайдович: биограф. очерк. Т. II. / П.А. Бессонов. — Москва: тип. А. Семена, 1862. — 208 с.
4. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку / В.А. Богородицкий. — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1909. — 460 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Подробная программа лекций И.А. Бодуэна-де-Куртенэ в 1876–1877 учебном году / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Казань, Варшава: Унив. тип. Э. Венде и Ко (E. Wende isp.), 1878. — 92 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики славянских языков». Отр. из лекций И. Бодуэна-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay), чит. в 1880–81 ак. году в Имп. Казан. ун-те студентам 3 и 4 курсов обоих филол. отд. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Варшава: тип. М. Земкевича и В. Ноковского, 1881. — 82 с.

7. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение: (Изд. по рукоп. проф. И.А. Бодуэн-де Куртенэ и под его ред.) / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Спб.: лит. Богданова, 1909. — 186 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Петроград: литография Юделевица, 1917. — 223 с.
9. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Москва: Изд-во акад. наук. СССР, 1963. — 391 с.
10. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. — Москва: Высшая школа, 1982. — 528 с.
11. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: Лексикология. Фонетика. Морфология / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. — Москва: Учпедгиз, 1958. — 411 с.
12. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века / В.М. Живов. — Москва: «Языки русской культуры», 1996. — 590 с.
13. Иванов С.С. Большой англо-русский экономический словарь / С.С. Иванов, Д.Ю. Кочетков. — Москва: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 620 с.
14. Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. II / В.М. Истрин. — Петроград: Отд. рус. яз. и словесности рос. акад. наук, 1922. — 454 с.
15. Калайдович И.Ф. Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского, с приложением пробных листов словаря / И.Ф. Калайдович. — Москва: Унив. тип., 1826. — 28 с.
16. Калайдович П.Ф. Опыт словаря русских синонимов. Ч. 1 / П.Ф. Калайдович. — Москва: В университетской типографии, 1818. — 157 с.
17. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) / В.Н. Комиссаров // Вопросы языкознания. — 1957. — 2. — С. 49–58.
18. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский. — Казань: Унив. тип., 1883. — 151 с.
19. Макогоненко Г.П. Денис Фонвизин. Творческий путь. / Г.П. Макогоненко. — Москва, Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1961. — 443 с.
20. Мальшев А.А. Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века / А.А. Мальшев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — 1(178). — С. 74–79.
21. Походный журнал 1710 года. — Спб.: Министерство Императорского Двора, 1854. — 24 с.
22. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах / В.Н. Прохорова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 1961. — 1. — С. 122–127.
23. Руднев Д.В. Глоссирование в документах Петровской эпохи / Д.В. Руднев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2025. — 47(7). — С. 28–36.
24. Руднев Д.В. И по учиненном трактовании... договорились и согласились (Ништадтский мирный договор: особенности текста и языка) / Д.В. Руднев // Вестник Томского государственного университета. — 2025. — 96. — С. 71–91.
25. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 1977. — 6. — С. 60–69.
26. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века / Ю.С. Сорокин. — Москва, Л.: Наука, 1965. — 565 с.
27. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. — Москва: Просвещение, 1975. — 272 с.
28. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Б.Г. Федоров. — Спб., Москва: Лимбус Пресс, 2006. — 848 с.
29. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: Пособие для пед. ин-тов / Н.М. Шанский. — Москва: Просвещение, 1964. — 316 с.
30. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. — Москва: Просвещение, 1964. — 244 с.
31. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. / В.Н. Ярцева. — Москва: Большая Рос. энцикл., 2002. — 707 с.
32. Arostitelis Ἀριστοτέλης Metaphysica / Ἀριστοτέλης Arostitelis. — 1906: In aedibus B. G. Teubneri, 1906. — 330 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anikin A.V. Anglo-russkij e'konomicheskij slovar' [English-Russian Economic Dictionary] / A.V. Anikin. — Moscow: Rus. yaz., 1977. — 727 p. [in Russian]
2. Aristotel' Ἀριστοτέλης Metafizika. Perevody'. Kommentarii. Tolkovaniya / Sost. i podgot. teksta S.I. Eremeev [Metaphysics. Translations. Commentaries. Interpretations / Compiled and prepared by S.I. Eremeev] / Ἀριστοτέλης Aristotel'. — Spb., Kiev: Aletejya, E'l'ga, 2002. — 832 p. [in Russian]
3. Bessonov P.A. Konstantin Fedorovich Kalajdovich: biogr. ocherk. T. II. [Konstantin Fedorovich Kalaidovich: A Biographical Sketch. Vol. II] / P.A. Bessonov. — Moscow: tip. A. Semena, 1862. — 208 p. [in Russian]
4. Bogorodiczkiy V.A. Ocherki po yazy'kovedeniyu i russkomu yazy'ku [Essays on Linguistics and the Russian Language] / V.A. Bogorodiczkiy. — Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskago Universiteta, 1909. — 460 p. [in Russian]

5. Bodue'n de Kurtene' I.A. Podrobnaya programma lekcij I.A. Bodue'na-de-Kurtene' v 1876–1877 uchebnom godu [Detailed program of I.A. Baudouin de Courtenay's lectures in the 1876–1877 academic year] / I.A. Bodue'n de Kurtene'. — Kazan', Varshava: Univ. tip. E'. Vende i Ko (E. Wende isp.), 1878. — 92 p. [in Russian]
6. Bodue'n de Kurtene' I.A. Nekotory'e otделы' «sравnitel'noj grammatiki slovyanskix yazy'kov». Otr. iz lekcij I. Bodue'na-de-Kurtene' (I. Baudouin de Courtenay), chit. v 1880–81 ak. godu v Imp. Kazan. un-te studentam 3 i 4 kursov oboix filol. otd. [Some aspects of the "comparative grammar of the Slovene languages". Excerpts from lectures by I. Baudouin de Courtenay, read in 1880–81. year in the Imp. Kazan university to the students of the 3rd and 4th courses of both philological departments.] / I.A. Bodue'n de Kurtene'. — Varshava: tip. M. Zemkevicha i V. Nokovskogo, 1881. — 82 p. [in Russian]
7. Bodue'n de Kurtene' I.A. Vvedenie v yazy'kovedenie: (Izd. po rukop. prof. I.A. Bodue'n-de Kurtene' i pod ego red.) [Introduction to Linguistics: (Based on the manuscripts of Prof. I.A. Baudouin de Courtenay and edited by him)] / I.A. Bodue'n de Kurtene'. — Spb.: lit. Bogdanova, 1909. — 186 p. [in Russian]
8. Bodue'n de Kurtene' I.A. Vvedenie v yazy'kovedenie [Introduction to Linguistics] / I.A. Bodue'n de Kurtene'. — Petrograd: litografiya Yudelevicha, 1917. — 223 p. [in Russian]
9. Bodue'n de Kurtene' I.A. Izbranny'e trudy' po obshhemu yazy'koznaniyu. T. II. [Selected Works on General Linguistics. Vol. II.] / I.A. Bodue'n de Kurtene'. — Moscow: Izd-vo akad. nauk. SSSR, 1963. — 391 p. [in Russian]
10. Vinogradov V.V. Oчерки po istorii russkogo literaturnogo yazy'ka XVII–XIX vv. [Essays on the History of the Russian Literary Language in the 17th–19th Centuries] / V.V. Vinogradov. — Moscow: Vysshaya shkola, 1982. — 528 p. [in Russian]
11. Galkina-Fedoruk E.M. Sovremenny'j russkij yazy'k: Leksikologiya. Fonetika. Morfologiya [Modern Russian Language: Lexicology. Phonetics. Morphology] / E.M. Galkina-Fedoruk, K.V. Gorshkova, N.M. Shanskij. — Moscow: Uchpedgiz, 1958. — 411 p. [in Russian]
12. Zhivov V.M. Yazy'k i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and culture in Russia of the XVIII century] / V.M. Zhivov. — Moscow: «Yazy'ki russkoj kul'tury», 1996. — 590 p. [in Russian]
13. Ivanov S.S. Bol'shoj anglo-russkij e'konomicheskij slovar' [The Great English-Russian Economic Dictionary] / S.S. Ivanov, D.Yu. Kochetkov. — Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2005. — 620 p. [in Russian]
14. Istrin V.M. Knigy' vremen'ny'ya i obrazny'ya Georgiya Mnixa. Xronika Georgiya Amartola v" drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. T. II [The Time and Image Books by George the Monk. Chronicle of George Amartolos in the Ancient Slavic-Russian Translation. Text, Research, and Dictionary. Vol. II] / V.M. Istrin. — Petrograd: Otd. rus. yaz. i slovesnosti ros. akad. nauk, 1922. — 454 p. [in Russian]
15. Kalajdovich I.F. Kratkoe izlozhenie pravil dlya sostavleniya ruchnogo slovarya ny'neshnego yazy'ka russkogo, s prilozheniem probny'x listov slovarya [A summary of the rules for compiling a manual dictionary of the current Russian language, with the addition of sample dictionary sheets] / I.F. Kalajdovich. — Moscow: Univ. tip., 1826. — 28 p. [in Russian]
16. Kalajdovich P.F. Opyt slovarya russkix sinonimov. Ch. 1 [An Attempt at a Dictionary of Russian Synonyms. Part 1] / P.F. Kalajdovich. — Moscow: V universitetskoj tipografii, 1818. — 157 p. [in Russian]
17. Komissarov V.N. Problema opredeleniya antonima (O sootnoshenii logicheskogo i yazy'kovogo v semasiologii) [The Problem of Determining an Antonym (On the Relationship between Logic and Language in Semasiology)] / V.N. Komissarov // Issues of Linguistics. — 1957. — 2. — P. 49–58. [in Russian]
18. Krushevskij N.V. Oчерк nauki o yazy'ke [An essay on the science of language] / N.V. Krushevskij. — Kazan': Univ. tip., 1883. — 151 p. [in Russian]
19. Makogonenko G.P. Denis Fonvizin. Tvorcheskij put'. [Denis Fonvizin. The Creative Path.] / G.P. Makogonenko. — Moskva, L.: Goslitiziat. Leningr. otd-nie, 1961. — 443 p. [in Russian]
20. Maly'shev A.A. Glossirovanie vs. vnutritextovoe tolkovanie leksiki: terminologicheskie tochki soprikosnoveniya v otnoshenii tekstov XVIII veka [Glossing vs. Intratextual Interpretation of Vocabulary: Terminological Points of Contact in the Context of 18th-Century Texts] / A.A. Maly'shev // Proceedings of Petrozavodsk State University. — 2019. — 1(178). — P. 74–79. [in Russian]
21. Pokhodnii zhurnal 1710 goda [Travel Journal from 1710]. — Spb.: Ministerstvo Imperatorskogo Dvora, 1854. — 24 p. [in Russian]
22. Proxorova V.N. O slovox s protivopolozhny'mi znacheniyami v russkix govorax [About words with opposite meanings in Russian dialects] / V.N. Proxorova // Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education Institutions. — 1961. — 1. — P. 122–127. [in Russian]
23. Rudnev D.V. Glossirovanie v dokumentax Petrovskoj e'poxi [Glossing in documents from era of Peter the Great] / D.V. Rudnev // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. — 2025. — 47(7). — P. 28–36. [in Russian]
24. Rudnev D.V. I po uchinennom traktovanii... dogovorilis' i soglasilis' (Nishtadtskij mirny'j dogovor: osobennosti teksta i yazy'ka) [And according to the interpretation, they agreed and consented (The Treaty of Nystad: Textual and Linguistic Features)] / D.V. Rudnev // Bulletin of Tomsk State University. — 2025. — 96. — P. 71–91. [in Russian]
25. Sokolova N.L. K probleme opredeleniya i klassifikacii antonimov i ix stilisticheskogo ispol'zovaniya [On the problem of defining and classifying antonyms and their stylistic use] / N.L. Sokolova // Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education Institutions. — 1977. — 6. — P. 60–69. [in Russian]
26. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazy'ka. 30–90 gody' XIX veka [The development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–1890] / Yu.S. Sorokin. — Moskva, L.: Nauka, 1965. — 565 p. [in Russian]
27. Stepanov Yu.S. Osnovy' obshhego yazy'koznaniya [Fundamentals of general linguistics] / Yu.S. Stepanov. — Moscow: Prosveshchenie, 1975. — 272 p. [in Russian]
28. Fedorov B.G. Novy'j anglo-russkij bankovskij i e'konomicheskij slovar' [New English-Russian Banking and Economic Dictionary] / B.G. Fedorov. — Spb., Moskva: Limbus Press, 2006. — 848 p. [in Russian]

29. Shanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazy'ka: Posobie dlya ped. in-tov [Lexicology of the Modern Russian Language: A Guide for Teachers' Institutes] / N.M. Shanskij. — Moscow: Prosveshhenie, 1964. — 316 p. [in Russian]
30. Shmelev D.N. Ocherki po semasiologii russkogo yazy'ka [Essays on the Semasiology of the Russian Language] / D.N. Shmelev. — Moscow: Prosveshhenie, 1964. — 244 p. [in Russian]
31. Yarceva V.N. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'. 2-e izd. [Linguistic Encyclopedic Dictionary. 2nd edition] / V.N. Yarceva. — Moscow: Bol'shaya Ros. e'ncikl., 2002. — 707 p. [in Russian]
32. Ἀριστοτέλης. Metaphysica [Metaphysics] / Ἀριστοτέλης. — In aedibus B. G. Teubneri, 1906. — 330 p. [in Ancient Greek]